

Так подробно об этом, с фактами и свидетельскими показаниями, цитатами и логически выстроенными доказательствами, Ася Пекуровская говорит в бродсковедении, по-моему, впервые. «Бродский-мифотворец, кажется, сознательно направлял свои усилия к тому, чтобы расширить свою аудиторию, верно полагая, что она, скорее всего, клюнет именно на созданный им миф, нежели на «изящную словесность», под которой он, не иначе как из мифотворческих целей, подразумевал только поэзию, — делает выводы Ася Пекуровская. — Ведь даже такие знатоки его творчества, как Лосев, Волков или, скажем, Гордин (автор предисловия к „Диалогам“), кажется, охотнее говорят не о феномене Бродского, поэта от Бога, а о мифическом персонаже энциклопедических знаний, афористичной и острой мысли, наконец, о создателе мифа о себе, т. е. обо всем том, что было учтено в ходе присуждения Бродскому желанной „Нобельки“».

В этом плане, очевидно, и надо рассматривать эпитет в кавычках «непредсказуемый» к фамилии поэта в названии книги. Он в немалой степени был создателем собственного успеха и был им избалован. Поэтому нетрудно предсказать, что, став суперзвездой среди западных интеллектуалов, самой главной его заботой при жизни, равно и в нобелианском бессмертии, было всему этому соответствовать. Прежде всего — образу либерала, что, судя и по заметкам знаменитой лево-либералки Сьюзен Зонтаг, посвятившей ИБ свой сборник «Под знаком Сатурна», не всегда Бродскому удавалось.

Как известно, Историю пишет последний. В своей тщательно прописанной истории Бродский хотел быть и первым, и последним. После него всем остальным «историкам» в праве на отделение зерен от плевел было отказано. Канонический образ был создан на века, и никто не должен восприятию этого образа помешать.

Предполагаю, что книгу Аси Пекуровской реальный человек и большой поэт Иосиф Бродский с радостью бы запретил, как и книгу воспоминаний Карла Проффера и иже с ними. В этом плане нам всем повезло, поскольку сегодня мы можем представлять Бродского не только по той модели, которую он скрупулезно создавал, но и по тем книгам, которые показывают нам другого, «непредсказуемого» Бродского. А уже каждому принимать решение самостоятельно: иметь дело с тщательно охраняемым памятником или же с реально существовавшим человеком, у которого были не только потрясающие достижения, но и досадные промахи, не только уверенность в своей правоте, но и вполне объяснимые сомнения. Дело житейское, хотя в случае нобелевского лауреата Иосифа Бродского — никак не частное.

Геннадий КАЦОВ

ОН УМЕР С БИБЛИЕЙ В РУКАХ

Кантор В. Срубленное древо жизни. Судьба Николая Чернышевского.

М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.

(Серия «Российские Пропилеи»).

Автор книги — либерал, но не ельцинско-чубайсовского разлива, а либерал подлинный, продолжающий М. Сперанского, Т. Грановского. И. Аксакова, В. Ключевского и других славных сыновей России, ее деятелей и мыслителей, романтиков и реалистов.

Время действия: от заката эпохи Николая I до правления Александра III. Живо, с опорой на документальные свидетельства воссоздается ситуация в стране, ког-

да литература была средоточием интеллектуальной жизни. Среди действующих лиц — извечные противники Тургенев и Достоевский, дерзкий Добролюбов, сумрачный Григорович, начинающий литератор Л. Толстой и многие другие писатели и мыслители, теперь глядящие на нас со стен вузовских аудиторий. И оценивающие нас. И, конечно же, среди них — один из главных героев того противоречивого, взрывоопасного времени: рыцарь русской мечты, увлеченный идеей строительства новой России, — Николай Чернышевский...

Книга читается как увлекательный роман, хотя в определенной мере продолжает недавние историко-философские труды автора: «Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса: К проблеме имперского сознания в России» и «„Крушение кумиров“, или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России)». Но на этот раз пространство концентрируется вокруг одной фигуры, казалось бы, давно известной. Ведь романом Чернышевского «Что делать?» зачитывался Ленин — и название романа давно перешло в разряд самых действенных слоганов революционной агитации. Ан нет!

Перед нами книга не о ниспровергателе устоев, атеисте и безбожнике, призывавшем Русь к топору, а о блестящем молодом «человеке свободы», верящем в реформы и отстаивающем эволюционный путь развития России. Эрудит, полиглот, заядлый книжник-идеалист и — отдавший приказ об его аресте император, оставшийся в русской истории как царь-реформатор, освободитель крестьянства: вот пружина и трагическое противоречие эпохи,двигающее сюжет этого «романа».

Переосмысление личности Чернышевского происходит в контексте суждений В. Белинского, А. Герцена, Н. Добролюбова, Ф. Достоевского, Н. Некрасова, В. Соловьева, В. Розанова и других философов и писателей. Живо, порой с юмором воссоздается литературная обстановка тех лет, когда (ныне забронзовевшие в школьных учебниках) классики весьма вольно обращались друг с другом. И здесь Кантору-писателю помогает собственный литературный опыт, позволяющий без розовых очков сравнить день нынешний и день минувший. Неожиданная подробность: Иван Тургенев, в своей пародии именовавший Достоевского «милым прыщом на носу литературы», высокомерно бросал Чернышевскому: «Вы змея простая, а Добролюбов — очковая». Но разве этими желчными сравнениями остался знаменит Тургенев? В сухом остатке истории Достоевский и Тургенев соседствуют на библиотечных полках, а произведения последнего непредставимы без блестящих статей его критиков — Чернышевского и Добролюбова.

Когда-то Герцен писал: социализм — вот тот мост, на котором западники и славянофилы могут подать друг другу руку. По меткому замечанию Вадима Кожинова, мост оказался шатким. Но в русском литературном пространстве, в Большом Времени и западники, славянофилы идут вместе. Именно к такому выводу подводит новая книга Владимира Кантора.

Пространство ее письма многообразно и информативно: насыщено фактами, именами, датами. Автору удалось избежать обычного для такого рода книг греха — «голой» цитатности. Даже в цитатах мы ощущаем присутствие его литературного почерка. Мировоззренческие и философско-литературные оценки эпохе личностям и судьбам неотделимы от детально прописанной биографии. А это — и детство на Волге в семье отца-священника, и семинария, и Петербургский университет, и неожиданный брак с эффектной Ольгой Сократовной, и литературная деятельность в журнале «Современник», и защита диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», и арест за вольнодумство как ментальное преступление, и написание в Петропавловской крепости романа «Что делать?»...

В противовес герценовскому «Кто виноват?» о разрушенных судьбах русских в центре «Что делать?» — идея духовной полноты. Новые люди Чернышевского, хотя роман его «полон несчастий и бед, траура и печали... тем не менее „счастливые люди“, как их называл Николай Страхов». Знаменитые сны Веры Павловны, хозяйки трудовой артели, воплотили мечту автора, который «хотел в крепостной стране ввести освобождающие человека буржуазные структуры». Увы, увы — идея свободного труда образованщиной того времени была воспринята по-своему.

Ценой невероятной популярности романа «Что делать?» стала... вульгаризация его идей в целях политической борьбы. Вопрос «что делать?» не привыкшая к труду публика поняла как «призыв к революционному действию — стрелять и взрывать». Не понято было и то, что идея свободы сочетается в романе с христианским либерализмом.

Мы привыкли видеть Чернышевского в ореоле неслышимой жесткости Ленина или Дзержинского. Но его понимание свободы было иным. Как пояснял он в переписке с Некрасовым: «В том и состоит свобода, чтобы каждый делал то, что требуется его натурой». Свобода понималась Чернышевским не как революционное насилие, но — состояние человеческого духа. Вспомним, что вопрос «что же нам делать?», адресованный народом Иоанну Крестителю, встречается еще в Евангелии. Введенный же в подзаголовок романа концепт «новые люди» впервые появляется как именование христиан в «Повести временных лет».

«Прекрасное есть жизнь!» Отстаивая Жизнь Духа как высшую христианскую ценность, бывший семинарист и потомок священников Николай Чернышевский через собственную жизнь и судьбу пронес идею действенности православия и умер с Библией в руках. Редкий снимок успения Чернышевского с Библией в руках, присланный Владимиру Кантору из волжского музея, неопровержимо доказывает этот вывод писателя.

Алла БОЛЬШАКОВА